

ния в Римской империи восточных культов, религиозного синкретизма и теократии — «потребность дополнять всемирную империю всемирной религией ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам»¹.

К слову сказать, в статье вообще недостаточно использованы принципиальные высказывания Маркса и Энгельса, имеющие прямое отношение к теме.

В заключение нужно отметить неровный стиль статьи. Наряду с попытками беллетризации встречаются стилистические небрежности: «У Тримальхиона были прототипы в действительной жизни» (стр. 5). Известно, что Тримальхион — художественный образ, созданный Петронием на жизненной основе.

В другом месте статьи — Лукиан «осмеивал псевдоученых и тупых гимнастов» (стр. 22). Автор имел, вероятно, в виду учителей гимнасий, в то время как по-русски «гимнаст» — это спортсмен, занимающийся гимнастикой.

На стр. 26 встречается неточное выражение: «... пережил п о д ослиной шкурой».

Заслуживают одобрения приведенные в конце вступительной статьи сведения об изданиях и переводах Лукиана в России, начиная с XVIII в. свидетельствующие о большом интересе к творчеству великого сатирика в нашей стране.

В книге дается краткая библиография, к сожалению, только на русском языке. Не названы даже основные специальные работы зарубежных ученых (например, М. Круазе, Р. Гельма, Х. Виланда и др.), но рекомендуется устаревший примитивный пересказ сочинений Лукиана, сделанный Лукасом Колливином. Нет указания на специальные работы Энгельса по истории религии — «Бруно Бауэр и раннее христианство», «К истории раннего христианства», «Людвиг Фейербах» и др.

Выход в свет сочинений Лукиана безусловно следует приветствовать, но вместе с тем необходимо отметить, что первый выпуск «Научно-атеистической библиотеки» имеет и недостатки, мимо которых нельзя пройти.

Нам кажется, что они объясняются главным образом неясностью целевой установки издания. Издательство и редакторы прежде всего должны решить, выпускают ли они научно-популярную книгу для широкого, специально не подготовленного круга читателей или для более узкого круга специалистов. Но и в том и в другом случае книга должна стоять на высоком научном и идейном уровне.

И. М. Назов, Ю. Ф. Шульц

A. ALT, *Der Stadtstaat Samaria* (Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften in Leipzig, Philologisch-historische Klasse, Band 101, Heft 5), B., 1954, 64 стр.

Уже само появление книги с таким названием должно вызвать интерес у всех историков древнего Востока. Заглавие передает основную концепцию всего труда. Самария имела свое городское самоуправление и, в какой-то мере, являлась своего рода государством в государстве. Такой подход автора, известного целым рядом своих трудов по социально-политическим и юридическим вопросам, всегда отличающихся новизной трактовки материала², должен, несомненно, заинтересовать и советского читателя.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 674.

² См. A. Alt, Zur Geschichte von Tunip, ZDPV. 67 (1945), № 2, стр. 159—162; он же, Hethitische u. ägyptische Herrschaftsordnung in unterworfenen Gebieten, FuF, 1949, Bd. 25, № 1/2; он же, Bemerkungen zu den Verwaltungs- u. Rechtsurkunden von Ugarit u. Alalach, WO, 1954.

Основная идея книги связана с поисками новых путей в истолковании вопросов государственного устройства отдельных обществ древнего Востока, и, как мы увидим из дальнейшего изложения, автор с этой задачей справился. В этом отношении исследование А. Альта весьма тесно соприкасается с рядом трудов советских историков, справедливо усматривающих на древнем Востоке не только деспотические формы правления, но и государства, в управлении которыми принимают участие некоторые слои свободного населения¹. К сожалению, автор не выказывает знакомства с этими работами.

Несмотря на бесспорную научную ценность этого исследования, в нем все же есть и ряд положений, с которыми невозможно согласиться или которые требуют дополнительной аргументации.

Книга состоит из введения и четырех глав. В первой главе «Основные положения» («Die Grundlagen», стр. 5—22) правильно, на наш взгляд, излагается причина покупки царем Израиля Омри холма Самарии в 70-х годах IX в. до н. э. Новой династии нужна была столица, нейтральная по отношению ко всем прочим частям царства и не связанная никакими племенными традициями с какой-либо его частью. Кроме того, как указывает автор, Самария лежала на скрещении торговых путей. Однако никак нельзя согласиться с утверждением А. Альта, будто место для будущего города было приобретено на земле ханаанеев, а не израильтян. Постоянное соперничество жителей Самарии с поселенцами Ездrelонской долины, на которое указывает автор, следует объяснить не враждой ханаанеев и израильтян, которая к IX в. почти уже сгладилась, а соперничеством племени Менаше, на территории которого была расположена Самария, и племени Эфраима, жившего в соседних с Самарией областях².

Другой аргумент, заключающийся в том, что израильтянам было свойственно мелкое землевладение, в то время как у ханаанеев наблюдалось крупное землевладение, и что поэтому холм Самарии, купленный царем Омри за 2 таланта серебра у Шемера, доказывает принадлежность его ханаанеям, — также не выдерживает критики, так как, во-первых, и у евреев и у ханаанеев мы встречаем различные формы землевладения, начиная с общинного и кончая крупным царским хозяйством³; во-вторых, вполне вероятно, что предание о покупке земли у Шемера является простой эпонимической легендой более позднего происхождения. Более того, тот же текст (I Reg., 16; 24) говорит о том, что Омри дал название городу «по имени Шемера, владельцев (мн. ч.) холма»⁴. Употребление в данном случае множественного числа, возможно, указывает на приобретение земли у общины, а не у отдельного лица.

Несомненно, что для создания социальной опоры своей власти Омри и его преемник Ахав, как указывает совершенно верно А. Альт, дали жителям Самарии целый ряд привилегий и также самоуправление. Однако это не следовало бы рассматривать в свете указанных нами выше причин, как определенную политику царей древнего Израиля, заключающуюся в противопоставлении израильтян ханаанеям. Наоборот, чтобы добиться некоторого равновесия между Самарией, основанной в области племени Менаше и со временем установившей некоторую связь с этим племенем, и прочими племенами, цари Израиля основывают себе вторую резиденцию в Ездrelонской долине.

Глава II (стр. 22—39) посвящена развитию города, в основном при царе Ахаве, и доводит повествование до свержения династии Омри, т. е. до 40-х годов IX в. Автор

¹ См. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949; он же, Государственный строй древнего Шумера, ВДИ, 1952, № 2, стр. 13—37, и др.

² На исконную вражду этих племен указывал акад. В. В. Струве — «Ефрем и Манассей», «Евр. мысль», 1926, стр. 130—143.

³ См. К. Н. Ненгеу, Land Tenure in the Old Testament, PEQ, 86 (1954), № 1/2, стр. 5—15.

⁴ ^cal šem-šemer'ādōnē hāhār.

весьма удачно сопоставляет археологические источники с данными Библии, указывая на большое строительство в городе, падающее на время царствования Ахава. Не оставлены без внимания и международные связи Самарии с Египтом¹, Дамаском и особенно с Финикией (Тиром).

Исходя из концепции, что между Самарией и прочей частью древнеизраильского государства существовала уния, осуществляемая в лице царя, как верховного владыки обеих частей государства, А. Альт приходит к совершенно правильному выводу, что для укрепления своих позиций в Самарии, основанной на царской земле, Ахав вводит там культ, отличающийся от культа прочих частей страны. Возможно, что для этого использовался культ тирского Ваала (Мелькарта), сблизивший Ахава с Тиром и его царем Итобаалом, с которым Ахав был даже связан посредством династического брака. Верным является также и тот вывод автора, что для прочих частей царства Ахав был вынужден признать и культ Яхве. Но вряд ли борьбу сторонников культа Яхве со сторонниками культа Ваала, описанную в библейских легендах о «пророке» Илье (I Reg., XVIII), мы можем рассматривать как борьбу евреев с ханаанеями, как это делает автор. Скорее здесь следует усматривать попытку царской власти путем введения нового культа избавиться от политической опеки всемогущего жречества и тем самым укрепить свою власть.

В следующей, III главе (стр. 40—50) повествуется о перевороте Иеху (ок. 842—841 гг. до н. э.). Материалы, использованные автором для написания этой главы, помогают в какой-то мере осветить и некоторые вопросы организации самоуправления Самарии.

Интересно наблюдение А. Альта, что после перехода всей власти в Израиле в руки нового царя, узурпатора Иеху, Самария остается самостоятельной и новый династ начинает переписку с городом в лице его старейшин об условиях его подчинения (II Reg., X, 1—6). Среди высших должностных лиц города встречаются лица, начальствующие «над (царским) домом»² и «над городом»³, и «старейшины»⁴. Иеху даже готов начать открытую войну с Самарией (II Reg., X, 3). Все это указывает на наличие развитой системы самоуправления в Самарии.

О внутренней борьбе в городе свидетельствует наличие «старейшин, верных Иеху»⁵ и «верных Ахаву»⁶. В результате сторонники Иеху взяли верх, согласившись добровольно подчиниться ему.

Прав автор, указывая на то, что Иеху уничтожил или почти уничтожил самоуправление Самарии, но уничтожение культа Ваала и его сторонников (II Reg., X, 18—29) следует рассматривать не как победу еврейского элемента над ханаанейским, а как победу жречества Яхве, которое в лице своих эмиссаров-«пророков» и помогло посадить на престол нового царя.

Заключительная глава этого интересного исследования (стр. 50—64) вкратце рассказывает о последующей истории Самарии, вплоть до ее подчинения Ассирии в 722 г. до н. э. Самария является теперь столицей царства, а не самоуправляющейся единицей, объединенной лишь персональной унией в лице общего царя с остальной частью царства. В противовес мнению А. Альта, говорящего о полном уничтожении бывшего порядка, все же можно предположить, что какие-то пережитки прежнего самоуправления в Самарии должны были сохраниться. За это говорит приводимая автором цитата из книги Исаяи (Jes., IX, 8), противопоставляющая племени Эфраима «жителей Самарии». Но вряд ли это можно считать реакцией ханаанеев на временное их подав-

¹ См. также A. R o w e, *Egypt and Samaria*, «Journ. of the Manchester Univ. Egypt and Oriental Soc.», XXV (1947—1953), стр. 37—38.

² 'āšer-^cal-habbajit.

³ 'āšer-^cal-hā'ir.

⁴ z^eqēnīm.

⁵ II Reg., X, 5 — hazz^eqēnīm 'om^enīm 'el-Jēhū.

⁶ II Reg., X, 1 — ha'om^enīm 'Ah'āb.

ление. Несомненно, что к VIII в. до н. э. уже все грани между ханааноями и евреями в Палестине стерлись. Ни один библейский текст не говорит о вражде между ними.

Как уже указывалось выше, в целом книга является значительным вкладом в изучение сложного вопроса о государственных формах рабовладельческих государств древнего Востока.

М. Гельцер

ЭТРУСКОЛОГИЯ ЗА РУБЕЖОМ

(обзор)

Важнейшими проблемами современной этрускологии являются: проблема происхождения этрусков, проблема языка, проблема общественного строя и значения этрусков в культурном и политическом развитии Италии VII—V вв. до н. э. Мы покажем, какими новыми данными располагает наука в этой области и что в современных исследованиях может быть признано достижением, хотя бы содействующим дальнейшей работе над основными проблемами.

Вопрос о происхождении этрусков продолжает привлекать внимание исследователей, однако в его трактовке некоторыми из ученых вряд ли можно усмотреть что-либо новое. Так, известный своими интересными археологическими изысканиями Блох в новейшей работе типа введения в этрускологию¹ придерживается теории восточного происхождения этрусков, именно того варианта, который относит переселение этрусков в Италию к относительно позднему времени. Блох датирует их прибытие даже началом VII в.² Эта точка зрения, которой придерживался ряд исследователей, на первый взгляд может представиться достаточно обоснованной данными археологии и языка. Этруская культура содержит черты, напоминающие культуры Востока, и поэтому вполне понятно, что многие исследователи усмотрели в возникновении в Средней Италии памятников так называемого «ориентализирующего» стиля появление в этих местах нового этнического слоя населения — этрусков. Принадлежность этих памятников этрускам представляется тем более правдоподобной, что с ними связаны и древнейшие этрусские надписи. Кроме того, сторонники этой теории видят доказательство прибытия этрусков в изменении обряда погребения: кремация вытесняется труположением, а последнее характерно для значительной части усыпальниц этрусской знати. Однако за последние годы у ряда этрускологов наблюдается резко отрицательное отношение к этому варианту теории о восточном происхождении этрусков. Известный археолог Джильоли считает памятники «ориентализирующего» стиля местного производства своеобразным воспроизведением вещей восточного происхождения, попавших в Италию в результате торговли с финикийцами или греками³. Отказывается объяснить миграцией этрусков появление изделий «ориентализирующего» стиля и М. Паллоттино. Также и вышеупомянутое изменение в обряде погребения, по его мнению, нельзя считать вызванным обязательно появлением нового народа.

¹ P. Bloch, *Les étrusques*, P., 1954. Помимо вопроса о происхождении этрусков автор касается их истории, письменности и языка, жизни общественной и частной религии и искусства.

² Cp. S. Borsari, *Le migrazioni dall Oriente in Italia nel VII secolo*, «Le Parole del Passato», XVII (1951), стр. 133.

³ См. SE, XXII (1953), стр. 321 слл. Также гаруспицину считают затруднительным объяснить как заимствование у хеттов. См. E. Lagache, *Éléments d'haruspicine hittite*, «Revue hitt. et asian.», 54 (1952), стр. 40.